

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

ДОКТРИНАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ НОРМЫ
В РОССИЙСКОЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

© 2019 г. А. Н. Чашин

ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет», Магадан;
Коллегия адвокатов Магаданской области «Дальневосточная»E-mail: escr@mail.ru

Поступила в редакцию 26.01.2018 г.

В статье проводится краткий мониторинг теоретических позиций о возможности признания правовой доктрины действующим источником (формой) национального права представителей российской, белорусской, украинской и армянской юридической науки. В качестве основного аргумента автором исследуется обоснование выносимых судами ряда государств, входящих в СНГ, правоприменительных актов прямыми ссылками на римское право. Осмыслению подвергается мотивировка судебных актов доктриной римского права, рецепированной международным и российским правом. С опорой на решения Конституционного Суда РФ автор приходит к мнению, что в наблюдаемой ситуации роль источника (формы) права играют одновременно правовая доктрина и конституционно-судебное постановление как флагманский правоприменительный акт. Приведенная в статье аргументация, иллюстрируемая примерами из судебной практики, в достаточной мере подкреплённая ссылками на российские и иностранные акты правосудия, позволяет признать способность правовой доктрины быть источником российского права.

Ключевые слова: форма права, источник права, правовая доктрина, правовой принцип, романо-германская правовая семья, правовая система.

DOI: 10.31857/S013207690003649-5

В последнее время отечественная юридическая наука предприняла ряд попыток поиска правовых норм вне рамок национального законодательства. Медленнее всего ситуация изменяется в направлении признания правовой доктрины действующей формой национального права. В ряде проведенных научных исследований было обосновано признание правовой доктрины в качестве формы отечественного права¹. К аналогичным выводам пришли ученые наших ближайших соседей². Мониторинг

научных публикаций позволяет выявить единую тенденцию к признанию правовой доктрины в качестве формы права учёными Российской Федерации, Белоруссии, Украины и Армении. Вместе с тем такая точка зрения, хотя и подтверждается судебно-арбитражной практикой, ещё не заняла должных позиций в теоретической юриспруденции, что обуславливает необходимость продолжения научных исследований по поиску дополнительной обоснованной аргументации данной позиции. Как правильно указывает В. В. Лазарев, «в практических интересах следует активнее разрабатывать проблемы источников права»³. Это мнение более всего касается правовой доктрины, поскольку теория именно этой формы права на сегодняшний день разработана отечественной наукой о государстве и праве слабее всего.

В. Д. Зорькин пишет, что «в континентальном праве норма исходит из законодательства и доктринального смысла, а в англосаксонском — из

¹ См.: Васильев А. А. Правовая доктрина как источник права (Историко-теоретические вопросы): дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2007; Зозуля А. А. Доктрина в современном праве: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006; Любитенко Д. Ю. Правовая доктрина Конституционного Суда Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2011; Мадаев Е. О. Доктрина в правовой системе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2012.

² См.: Дервояд В. В. Доктрина (наука) в качестве источника права в Республике Беларусь: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2006; Сільчанка М. У. Проблеми визначення відавага складу і класифікації джерел права // Право і демократія: сб. науч. тр. Вып. 12. Минск, 2011. С. 33–43; Кармаліта М. В. Правовая доктрина — джерело (форма) права: дис. ... канд. юрид. наук. Київ, 2011; Пархоменко Н. М. Джерела права: проблеми теорії та методології. Київ, 2008; Полянський Є. Ю. Про розуміння природи правової доктрини в юридичній літературі // Вісник Запорізького національного університету. «Юрид. науки».

2014. № 4. С. 11–16; Гамбарян А. С., Даллакян Л. Г. Применение правовой доктрины в судебной практике. Перспективы правового регулирования // Евразийская адвокатура. 2016. № 6. С. 119–121.

³ Лазарев В. В. Поиск права // Журнал рос. права. 2004. № 7. С. 6.

судебной практики»⁴. Поскольку юридической наукой принято положение о соотношении правовой нормы и нормативного правового акта как содержания и формы одного и того же явления, то слова В.Д. Зорькина следует понимать так, что в системах континентальной правовой семьи правовая норма имеет место быть в доктрине, т.е. правовая доктрина является формой права, содержа в себе правовые нормы. Приводимые ниже по тексту публикации судебных актов вполне определённо показывают, что в правовой доктрине могут содержаться и содержатся нормы права. Как минимум, в доктрине римского права, рецепированной международным и российским правом, содержится правовая норма следующего содержания: «последующий закон отменяет предыдущий». Это свидетельствует в пользу признания за правовой доктриной функции вместилища правовых норм.

В этой связи целесообразно использовать практику соотношения судебного прецедента и правовой доктрины как таких форм права, которые отечественными судами нередко взаимно заменяются. Ещё в 2004 г. Конституционный Суд РФ принял постановление № 13-П⁵, в котором использовал для мотивировки своей позиции принцип “*lex posterior derogat lex a priori*”. Позднее (2011 г.) тем же судом специальной юрисдикции было вынесено определение № 746-О-О⁶ с использованием в мотивировочно-описательной части этого же принципа.

Фактически Конституционный Суд РФ заново открыл ранее замалчивавшуюся норму права. Здесь имеет место своего рода судебный ренессанс римского права. Интересно, что в своих актах Конституционный Суд РФ выстраивает тексты таким образом, чтобы любые его правовые позиции, не имеющие очевидной опоры в национальном либо международном законодательстве, воспринимались как толкование Конституции РФ. Вместе с тем в рассмотренном случае нельзя признать имеющим место толкование Конституции РФ. Из Постановления Конституционного Суда РФ № 13-П, а точнее из перечисленных в нем ст. 1,

18 и 19 Конституции РФ, посредством толкования никак нельзя вывести формулу о том, что последующий закон отменяет действие предыдущего. Суть этого правила не содержится в достаточно отчетливом виде ни в принципе правового государства, закрепленного ч. 1 ст. 1 Конституции РФ, ни в принципе непосредственного действия прав и свобод человека и гражданина (ст. 18 Конституции РФ) ни из принципа равенства (ст. 19 Конституции РФ), ни из прочих общих формулировок. Безусловно, некоторые положения Конституции РФ близко сходятся с принципиальным правилом “*lex posterior derogat lex a priori*”, однако признать последнее результатом толкования первого невозможно. Последующий закон отменяет предыдущее — это самостоятельное правило, не выводимое из текста какой-либо конституционной статьи.

Вместе с тем в тексте Постановления № 13-П отсутствует прямая ссылка на доктринальные труды. Несмотря на такую маскировку, доктринальные «уши» довольно заметно высовываются и хорошо видны специалисту. Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин весьма определённо поясняет, что, поскольку «как раз признанные знатоки в области отраслевых наук и привлекаются обычно Конституционным Судом в качестве экспертов, именно их воззрения имеют наибольшие шансы отразиться в итоговых решениях»⁷. Вот эти-то знатоки юридических наук являются носителями (и приверженцами) конкретных общеправовых и отраслевых доктринальных положений. Конституционный Суд РФ в процессе подготовки к рассмотрению конкретного дела способен выбирать в качестве привлекаемых экспертов носителей конкретных правовых доктрин. Содержанием деятельности этих экспертов является именно информирование судей Конституционного Суда РФ о наличии в национальной правовой системе доктринальных правовых норм. Сами же эксперты, привлекаемые к деятельности Конституционного Суда РФ, черпают информацию о таких нормах непосредственно в юридической доктрине. Здесь ярко проявляется действие правовой доктрины как формы права. В дальнейшем по итогам рассмотрения принятого к производству дела состав Конституционного Суда РФ голосует либо «за», либо «против» той или иной формулировки итогового решения, включая некоторые случаи голосования «за» или «против» применения той или иной доктринально-правовой нормы, объективированной (доведённой до сведения состава суда) привлеченным к делу экспертным составом. Использование доктринально-правовых норм национальным органом конституционного контроля

⁴ Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России. М., 2016. С. 54.

⁵ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СЗ РФ. 2004. № 27, ст. 2804.

⁶ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 7 июня 2011 г. № 746-О-О «По жалобе гражданина Юнусова Льва Львовича на нарушение его конституционных прав п. 2 ч. 2 ст. 57 Жилищного кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision66399.pdf> (дата обращения: 21.04.2017).

⁷ Зорькин В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика. М., 2017. С. 454.

столь приближено к исследуемой нами форме права, что позволяет В. В. Лазареву формулировать следующий тезис: «Акты конституционного суда более всего приближаются по своему содержанию к доктрине»⁸.

В последнее время всё чаще российские суды напрямую применяют нормы римского права, не отраженные в отечественном законодательстве, но безоговорочно принятые научным сообществом и в силу ряда факторов приобретшие черты правовой доктрины. Здесь функция формы права реализуется доктриной римского права.

Так, Забайкальский краевой суд в своём апелляционном определении по делу № 33—2054—2013⁹ указывает, что в соответствии с правовым принципом “*lex posterior derogat legi priori*” суды при разрешении спора должны исходить из того, что приоритет имеют нормы федерального закона, принятого позднее. В дальнейшем Забайкальский краевой суд в основание своего определения помещает названный принцип наряду с нормами права, изложенными в действующем отечественном законодательстве. Как известно, правило “*lex posterior derogat legi priori*” не содержится ни в одной из статей нормативных правовых актов российского законодательства, но было сформулировано еще в римском праве¹⁰. В юридической науке указанное доктринальное правило общепризнано как действующее. По утверждению М. В. Телюкиной, «“*lex posterior derogat legi priori*”... — этот принцип римского права подлежит применению и сейчас»¹¹. О том же высказывается А. Никонов: «Из... древнего римского права в юридическую науку вошло правило, по которому закон последующий отменяет закон предыдущий...»¹². Обратим внимание на исключительную верность приведённой цитаты: принцип римского права вошёл в юридическую науку, но не в российское законодательство (исключение — трудовое законодательство). И несмотря на это, он подлежит применению. Суммируем: подлежит применению древнеримское процедурное правило, отсутствующее в российском

законе. Это, по-видимому, самый яркий и трудно опровержимый пример использования доктринально-правовой нормы в российской правовой системе. Более того, указанный принцип признан не только в России, но и иных государствах. К примеру, можно сослаться на Л. Фуллера: «Решение, которое санкционировано общепринятой практикой, заключается в том, чтобы признавать неявно отмененными всякие положения более раннего правового акта, которые противоречат позднему правовому акту, что осязаемо принципом “*lex posterior derogat legi priori*”»¹³.

Как видим, второй из раскрываемых способов применения доктринально-правовых норм российскими судами заключается в непосредственном включении в текст судебного акта положений древнего (в частности, римского) права в качестве нормативной базы в тех случаях, когда действующее национальное законодательство не содержит необходимых предписаний. В случае с упомянутым выше апелляционным определением по делу № 33—2054—2013 следует исключить понимание использования указанного принципа в процессе доктринального толкования права. Отличие применения доктринально-правовой нормы от доктринального толкования правовой нормы, расположенной в иной форме права, к примеру в законе, сводится к тому, что содержащееся в доктринально-правовой норме правило достигло такой степени общепризнанности, распространённости и конкретности, что у судебного состава нет практически никакой возможности исказить его смысл либо применить иное правило, противоречащее ему, не подвергнув одновременно выносимый акт правосудия сомнениям относительно его обоснованности и справедливости. Так, юридической науке известны и иные, кроме принципа “*lex posterior derogat legi priori*”, коллизионные правила. В частности, Шломо ввёл в своё время в научный оборот принцип, согласно которому при наличии противоречий между нормами права следует считать, что они взаимно отменяют одна другую¹⁴. Принципиальных препятствий для использования в процессе толкования такой научной позиции у Забайкальского краевого суда не имелось, кроме одного: нужна первоначальная норма, подлежащая толкованию. Однако никакая статья нормативного правового акта Российской Федерации не содержит такой правовой нормы, истолковав которую можно выйти на правило об отмене последующим актом предыдущего в случае их противоречия. Наряду с этим принцип взаимной отмены противоречащих

⁸ Лазарев В. В. Указ. соч. // Журнал рос. права. 2004. № 7. С. 11.

⁹ См.: Апелляционное определение Забайкальского краевого суда от 18 июня 2013 г. по делу № 33—2054—2013 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.04.2017).

¹⁰ См.: Сивакова М. Я. Обратная сила актов законодательства о налогах и сборах: спорные вопросы правоприменения // Налоговые споры: теория и практика. 2007. № 10. С. 32, 33.

¹¹ Телюкина М. В. Комментарий к Федеральному закону «Об акционерных обществах» (постатейный) (Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2004) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.04.2017).

¹² Никонов А. О применении льгот, не закрепленных в налоговом законе // Хозяйство и право. 1998. № 9. С. 80, 81.

¹³ Fuller L. L. The morality of law. New Haven and London, 1965. P. 68.

¹⁴ См.: Shlomo. Juristischer Grundlehre (2d ed. 1927). P. 383 // Фуллер Л. Л. Мораль права. М., 2016. С. 136.

норм представляет собой частное единичное мнение Шломо, но никак не общее мнение профессионального юридического сообщества. Принцип римского права “*lex posterior derogat lex a priori*” достиг такого уровня доктринальной общепризнанности, которая делает его общеобязательным и однозначно применимым ко всем схожим ситуациям, т.е. нормативным.

Другим доводом в пользу нормативно-правового содержания принципа “*lex posterior derogat lex a priori*” в ущерб его пониманию как рядового основания, используемого в процессе толкования, является непреложность предписания. Мог ли Забайкальский краевой суд иным образом обосновать свое решение? Было ли его апелляционное определение обоснованным, законным и справедливым при применении правила «предыдущий закон имеет преимущество перед последующим»? Нет, такое апелляционное определение не только не отвечает принципам справедливости и обоснованности. Оно невозможно, так как противоречило бы принципу “*lex posterior derogat lex a priori*”, который безоговорочно разделяется подавляющим большинством представителей профессионального юридического сообщества (и не только научного), никогда и никем успешно не оспаривался.

Мониторинг судебной практики показывает, что после 2004 г. суды стали активно применять принцип “*lex posterior derogat lex a priori*”, ссылаясь, однако, не на него непосредственно, а на постановление Конституционного Суда РФ № 13-П и его же определение № 746-О-О, содержащие этот принцип¹⁵. В наблюдаемой ситуации роль формы права играют одновременно правовая доктрина и конституционно-судебное постановление как флагманский правоприменительный акт. Нельзя не заметить, что Забайкальский краевой суд стоит особняком, используя по делу № 33—2054—2013 для мотивировки непосредственно принцип “*lex posterior derogat lex a priori*”. Все прочие суды при необходимости использования этого коллизионного правила ссылаются на акты Конституционного Суда РФ, что можно объяснить отсутствием

устоявшегося мнения о правовой доктрине как форме национального права. На фоне перманентно возникающих сомнений относительно возможности использовать доктринальные правила, в том числе нормы древнего римского права, испытывая, вместе с тем, непреодолимую и настоятельную потребность в этом, суды всех уровней находят выход в использовании доктрины под прикрытием авторитета Конституционного Суда РФ. Нельзя не признать, что такая деятельность российских судов имеет более психологическую окраску, нежели обусловлено требованиями юридической техники.

Доводом в пользу того, что принцип “*lex posterior derogat lex a priori*” представляет собой доктринально-правовую, а не прецедентную норму, является тот факт, что уже задолго до первого упоминания этого принципа в текстах судебных актов он успешно и одинаково использовался вне суда. Каждый юрист со студенческой скамьи знает о том, что применению подлежит более поздний закон, поэтому, начиная практиковать в должности юрисконсульта, адвоката, нотариуса и т.п. он, по умолчанию при составлении юридических документов (договоров, уставов и проч.), обнаружив коллизию между нормативными правовыми актами одинаковой юридической силы, применяет позднейший из них. Для такого юридически значимого профессионального поведения ни российским, ни прежде советским юристам вовсе не требовалось никакой легитимации общеизвестного принципа “*lex posterior derogat lex a priori*” ни судебным актом, ни разъяснением Пленума Верховного Суда РФ, ни законодательного либо подзаконного закрепления. Для этого было достаточно одного — усвоить доктрину в ходе профессионального обучения, т.е. в процессе реализации информационно-обеспечительной функции правовой доктрины.

Факт использования юридической доктрины в качестве формы права не ускользнул от внимания представителей отечественной науки. Так, О. Н. Ордина подметила следующее: «Анализ решений Конституционного Суда РФ показывает, что он не обходится буквальным текстом Конституции РФ. Конституционный Суд иногда кладёт в основание своих решений какие-то не выраженные прямо в Конституции правовые суждения. А это позволяет сделать вывод о том, что Конституционный Суд РФ как особенный, но всё же правоприменительный орган воспринимает в качестве источника права для себя не только Конституцию России, но и то, что мы рассматриваем как правовую доктрину»¹⁶. Ещё раньше о том же написал

¹⁵ См., напр.: Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 22 декабря 2010 г. по делу № А78—4055/2009 // Мой арбитр [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <http://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: 21.04.2017); Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 3 апреля 2014 г. по делу № 33—4753/2014 // Официальный сайт Верховного суда Республики Башкортостан. URL: https://vs-bkr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=4393418&delo_id=5 (дата обращения: 21.04.2017); Определение Свердловского областного суда от 13 сентября 2011 г. по делу № 33—12764/2011 // Официальный сайт Свердловского областного суда. URL: https://oblsud-svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=ur&srv_num=1&f_name=&num_d=33-12764%2F2011&Submit=%CD%E0%E9%E2%E8 (дата обращения: 21.04.2017).

¹⁶ Ордина О. Н. Источники административного права России и проблемы их систематизации. М., 2015. С. 53, 54.

С. А. Карапетян, указав, что «доктрина является источником права для Конституционного Суда»¹⁷.

Если посмотреть на правоприменительную практику постсоветского пространства, то правовая доктрина используется в качестве формы права не только российскими судами, но и судебными органами наших ближайших соседей (ближайших не только географически, но и в аспекте схожести правовых систем). Так, если продолжить пример о римском принципе “*lex posterior derogat lex priori*”, то с опорой на него принят ряд решений украинскими судами.

В своём постановлении судья Черкасского окружного суда весьма активно использует нормы римского права (т.е. доктринальные). В этом судебном акте судья указывает следующее: в случае противоречия правовых норм в нормативно-правовых актах одинаковой юридической силы необходимо руководствоваться правовым принципом, известным со времен римского права: “*lex specialis derogat legi generali*” («специальный закон отменяет (вытесняет) общий закон»). Суть этого принципа сводится к тому, что в случае конкуренции норм общего (*generalis*) и специального (*specialis*) характера преимущество в толковании и применении должно предоставляться специальным нормам¹⁸. При этом по тексту процитированного судебного постановления ссылки на какие-либо статьи нормативных правовых актов судьёй не приводятся, нормативно-правовую мотивировку принимаемого судебного акта его автор, наделенный государственной властью, воспринимает непосредственно из собственных знаний о соответствующих технико-правовых положениях права Древнего Рима, характеризующихся признаком общепризнанности на территории соответствующего государства.

Интересно, что в другом судебном акте (постановлении Монастырщинского районного суда)¹⁹ судья при необходимости опереться на принципы “*lex specialis derogat legi generali*” и “*lex posterior generalis non derogat legi priori specialis*” в качестве источника указал на «практику Европейского Суда», не уточняя, какое конкретное решение имеется в виду.

¹⁷ Карапетян С. А. Источники конституционного права Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 1998. С. 47, 48.

¹⁸ См.: Ухвала Черкаського окружного адміністративного суду от 17 грудня 2014 року у справі № 823/3549/14 [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <http://reyestr.court.gov.ua/Review/41980019> (дата обращения: 04.05.2017).

¹⁹ См.: Постанова Монастирщинського районного суду Черкаської області от 17 лютого 2011 року у справе 2-а-305/11 [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <http://reyestr.court.gov.ua/Review/13863978> (дата обращения: 04.05.2017).

Украинские судьи настолько освоились с содержащимися в римской доктрине правовыми принципами, что не только активно используют их в обоснование выносимых судебных актов, но и имеют представление об их иерархии и фактической взаимной юридической силе. Такое понимание правовой доктрины позволяет судьям украинских судов всех звеньев формулировать по тексту судебного акта суждения о доминировании того либо иного принципа римского права в конкретном судебном деле. Так, в решении Приморского районного суда г. Одессы указано следующее: «При решении вопроса коллизии правовых норм... суд считает, что в данном случае следует исходить не из принципа действия законов во времени (“*lex posterior derogat legi priori*”), а из принципа “специальный закон отменяет общий закон” (“*lex specialis derogat generali*”)»²⁰.

Несмотря на столь очевидную и распространённую практику использования юридической доктрины в качестве формы права в украинской правовой системе, украинский правовед И. В. Семенихин продолжает считать, что «отечественная... правовая система не знает традиций относительно обоснования процессуальных решений, в частности судебных решений, ссылкой на ученый труд, комментарий, в котором предлагается решение проблемы»²¹. Вряд ли отрицание за юридической доктриной способности в реальной жизни выполнять функцию формы украинского национально-го права может быть построено на тезисе об отсутствии в тексте судебного акта наименования конкретного учебника по праву. В случае с римским правом ссылка на опубликованный текст представляется излишней ввиду общеизвестности в юридической профессиональной среде требуемых доктринально-правовых положений.

На страницах той же монографии И. В. Семенихин предпринимает попытку подкрепления защищаемой позиции ссылками на судебную практику. «Отечественные суды, — полагает он, — игнорируют ссылки на комментарии законов в апелляционных жалобах сторон, отмечая в соответствующих постановлениях, что толкование норм права отдельными учеными, образовательными или научными учреждениями не является источником права, а потому «не обязательно для применения при осуществлении правосудия»²². При этом И. В. Семенихин даёт отсылку к ряду актов украинской судебной власти:

²⁰ Рішення Приморський районний суд м. Одеси по справі № 520/13963/14-ц [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <http://reyestr.court.gov.ua/Review/43283162> (дата обращения: 04.05.2017).

²¹ Семенихин И. В. Правовая доктрина: загалнотеоретичний аналіз / наук. ред. О. В. Петришин. Харьков, 2012. С. 56.

²² Там же. С. 66.

решения по делам 22а-158/07²³ и № 5—359/11²⁴. В результате ознакомления с текстами обоих упомянутых судебных решений возможен вывод о том, что И. В. Семинихин допустил очередную оплошность: отрицание по конкретным судебным делам за неким положением статуса доктрины он принял за отрицание способности самой доктрины быть формой права. Действительно, толкование норм права отдельными учёными не является источником права. Источник права — правовая доктрина. Отличие правовой доктрины от доктринального толкования — вопрос самостоятельный и в значительной степени технический.

К сегодняшнему дню прямое использование правовой доктрины как формы права чаще всех из бывших союзных республик применяется в Армении. Причем интересно соотношение российского и армянского подходов как к законодательному регулированию правовой доктрины в роли формы права, так и к его практическому воплощению. Если российская система законодательства содержит прямые указания на использование правовой доктрины при решении судебно-арбитражных дел с иностранным элементом, то в законодательстве Республики Армения, по свидетельству А. С. Гамбаряна и Л. Г. Даллакян, нет и этого²⁵. Однако судьи армянских судов довольно активно обосновывают принимаемые судебные акты ссылками на правовую доктрину.

В решении Административного суда РА от 14 мая 2015 г. указано: «В интересах дела необходимо выяснить вопрос соотношения законов РА “Об администрировании и административном производстве” и “Об уголовно-исполнительной службе”. В основу обоих законов положен известный принцип (“*lex specialis derogat legi generali*”), берущий свое начало из римского права»²⁶. И в этом случае суд сослался на римское право, причем употребив латинскую формулу без перевода на

национальный (армянский) язык, на котором велось судоговорение.

В мотивировочной части приговора суда общей юрисдикции Ширакского района Республики Армения указано: «Если доказательство было получено с нарушением закона, то все осуществленные впоследствии процессуальные действия и полученные результаты не могут согласно известной в юридической литературе теории “Плодов отравленного дерева” быть признаны допустимыми, относимыми и достоверными»²⁷. При этом ссылки на сами литературные источники суд по тексту приговора не приводит, подразумевая, что указанная им теория является в профессиональной среде общеизвестной и авторитетной, т.е. обладает достаточными признаками доктринальности.

На примере перечисленных судебных актов можно отчетливо проследить проявление правовой доктриной функции формы права. На примере римского права это сделать наиболее удобно в силу того, что содержание соответствующей доктрины стабильно и общепризнано юридическим (включая иностранное) сообществом. Сам факт использования доктрины римского права в частях, не воспринятых отечественным законодательством и одновременно не противоречащих ему, выше вполне убедительно доказан.

Итак, римское право благодаря многовековой скрупулёзной исследовательской деятельности правоведов и историков, характеризуется для современного пользователя вполне чёткими границами, в пределах которых многочисленные источники римского права (Пандекты, труды Павла, Гая и т.д.) содержат вполне определённые и общеизвестные правила поведения, являющиеся по своим существенным характеристикам правовыми нормами. Таким образом, доктрина римского права, являясь частью правовой доктрины вообще, способна разграничивать правовое и неправовое, нормы права и иные социальные нормы.

Это проявляется, кроме прочего, в таком феномене, как включение латыни в тексты национальных судебных актов.

Согласно ст. 10 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»²⁸ судопроизводство и делопроизводство в Конституционном Суде РФ, Верховном Суде РФ, арбитражных и военных судах ведутся на русском языке. Судопроизводство в других федеральных судах общей

²³ См.: Ухвала Львівського апеляційного адміністративного суду від 18.09.2007 р. у справі № 22а-158/07 [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <http://reyestr.court.gov.ua/Review/1036193> (дата обращения: 05.05.2017).

²⁴ См.: Ухвала Апеляційного суду Вінницької області від 16.02.2012 р. у справі № 5—359/11 [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <http://reyestr.court.gov.ua/Review/21518066> (дата обращения: 05.05.2017).

²⁵ См.: Гамбарян А. С., Даллакян Л. Г. Применение правовой доктрины в судебной практике: перспективы правового регулирования // Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 31 мая 2016 г.) / под общ. ред. А. В. Рагулина, И. Т. Рагулиной. Уфа, 2016. С. 25—29.

²⁶ Դատարանի Գործ № ՎԴ/2582/05/14 [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: http://www.datalex.am/?app=AppCaseSearch&case_id=38562071809875398 (дата обращения: 22.02.2017).

²⁷ Բրնակալն օրնսսդիրք ՇԴ/0052/01/15 [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: http://www.datalex.am/?app=AppCaseSearch&case_id=29554872554658804 (дата обращения: 22.02.2017).

²⁸ См.: СЗ РФ. 1997. № 1, ст. 1.

юрисдикции, у мировых судей могут вестись также на государственном языке республики, на территории которой находится суд. Аналогичная норма содержится в украинском законодательстве (ч. 1 ст. 12 Закона Украины «О судостроительстве и статусе судей»²⁹). Система армянского законодательства содержит нормы о языке судопроизводства в ряде процессуальных кодификационных и иных нормативных правовых актов (например, ч. 1 ст. 7 ГПК РА³⁰).

Несмотря на указанные требования российского и украинского законов, посвященные закреплению основных принципов национального судопроизводства, а также армянского процессуального законодательства, суды этих государств включают в тексты выносимых актов не только содержание применяемых доктринально-правовых норм, но и их латинское написание. Применительно к нашему примеру приведенные судебные акты содержат не только использованную формулу «последующий закон отменяет предыдущий», но и сам латинский принцип: «lex posterior derogat legi priori». Это и есть проявление функции правовой доктрины в судебной деятельности как формы права — латинское написание требуется для устранения сомнений в том, что использован принцип именно римского права, т.е. являющийся доктринально-правовой нормой, а не что-либо, не являющееся нормой права.

Приведенная выше аргументация, иллюстрируемая примерами из судебной практики, в достаточной мере подкреплённая ссылками на российские и иностранные акты правосудия, позволяет признать способность правовой доктрины не только являться источником российского права, но и входить в систему таких источников близких национально-правовых систем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Васильев А. А.* Правовая доктрина как источник права (Историко-теоретические вопросы): дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2007.
2. *Гамбарян А. С., Даллакян Л. Г.* Применение правовой доктрины в судебной практике: перспективы правового регулирования // Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 31 мая 2016 г.) / под общ. ред. А. В. Рагулина, И. Т. Рагулиной. Уфа, 2016. С. 25—29.
3. *Гамбарян А. С., Даллакян Л. Г.* Применение правовой доктрины в судебной практике. Перспективы правового регулирования // Евразийская адвокатура. 2016. № 6. С. 119—121.
4. *Дервоед В. В.* Доктрина (наука) в качестве источника права в Республике Беларусь: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2006.
5. *Зозуля А. А.* Доктрина в современном праве: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006.
6. *Зорькин В. Д.* Конституционный Суд России: доктрина и практика. М., 2017. С. 454.
7. *Зорькин В. Д.* Цивилизация права и развитие России. М., 2016. С. 54.
8. *Каранетян С. А.* Источники конституционного права Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 1998. С. 47, 48.
9. *Кармалита М. В.* Правовая доктрина — джерело (форма) права: дис. ... канд. юрид. наук. Київ, 2011.
10. *Лазарев В. В.* Поиск права // Журнал рос. права. 2004. № 7. С. 6, 11.
11. *Любитенко Д. Ю.* Правовая доктрина Конституционного Суда Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2011.
12. *Мадаев Е. О.* Доктрина в правовой системе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2012.
13. *Никонов А.* О применении льгот, не закрепленных в налоговом законе // Хозяйство и право. 1998. № 9. С. 80, 81.
14. *Ордина О. Н.* Источники административного права России и проблемы их систематизации. М., 2015. С. 53, 54.
15. *Пархоменко Н. М.* Джерела права: проблеми теорії та методології. Київ, 2008.
16. *Полянський Є. Ю.* Про розуміння природи правової доктрини в юридичній літературі // Вісник Запорізького національного університету. «Юрид. науки». 2014. № 4. С. 11—16.
17. *Семеніхін І. В.* Правова доктрина: загальнотеоретичний аналіз / наук. ред. О. В. Петришин. Харьков, 2012. С. 56, 66.
18. *Сивакова М. Я.* Обратная сила актов законодательства о налогах и сборах: спорные вопросы правоприменения // Налоговые споры: теория и практика. 2007. № 10. С. 32, 33.
19. *Сільчанка М. У.* Проблемы визначення відава-га складу і класифікації крыніц права // Право и демократия: сб. науч. тр. Вып. 12. Минск, 2011. С. 33—43.

²⁹ См.: Закон України № 1402-VIII від 06.06.2016 р. «Про судостроїт і статус суддів» [текст] // Відомості Верховної Ради. 2016. № 31, ст. 545.

³⁰ См.: Հայաստանի Հանրապետության քաղաքացիական դատավարության օրենսգիրք 17.06.1998, № ՀՕ-247 // Սկզբնական տպագրություն 1998.09.09/20(53).

20. *Телюкина М. В.* Комментарий к Федеральному закону «Об акционерных обществах» (постатейный) (Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2004) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.04.2017).
21. *Фуллер Лон Л.* Мораль права. М., 2016. С. 136.
22. *Fuller L. L.* The morality of law. New Haven and London, 1965. P. 68.
23. *Shlomo.* Juristischer Grundlehre (2d ed. 1927). P. 383.
24. Հայաստանի Հանրապետության քաղաքացիական դատավարության օրենսգիրք 17.06.1998, № ՀՕ-247 // Սկզբնաղբյուրը՝ ՀՀՊՏ 1998.09.09/20(53).
25. Բրեւակն օրենսգիրք ՇՆ/0052/01/15 [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: http://www.datalex.am/?app=AppCaseSearch&case_id=29554872554658804 (дата обращения: 22.02.2017).
9. *Karmalita M. V.* Pravova doktrina – dzherelo (forma) prava: dis. ... kand. yurid. nauk. Kiiv, 2011.
10. *Lazarev V. V.* Poisk prava // Zhurnal ross. prava. 2004. № 7. S. 6, 11.
11. *Lyubitenko D. Yu.* Pravovaya doktrina Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. yurid. nauk. Volgograd, 2011.
12. *Madaev E. O.* Doktrina v pravovoj sisteme Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. yurid. nauk. Irkutsk, 2012.
13. *Nikonov A.* O primeneni l'got, ne zakreplennyh v nalogovom zakone // Hozyajstvo i pravo. 1998. № 9. S. 80, 81.
14. *Ordina O. N.* Istochniki administrativnogo prava Rossii i problemy ih sistematizacii. M., 2015. S. 53, 54.
15. *Parhomenko N. M.* Dzherela prava: problemi teorii ta metodologii. Kiiv, 2008.
16. *Polyans'kij E. Yu.* Pro rozuminnya prirodi pravovoï doktrini v yuridichnij literaturi // Visnik Zaporiz'ko-go nacional'nogo universitetu. “Yurid. nauki”. 2014. № 4. S. 11–16.
17. *Semenihin I. V.* Pravova doktrina: zagal'noteoretichnij analiz / nauk. red. O. V. Petrishin. Har'kov, 2012. S. 56, 66.
18. *Sivakova M. Ya.* Obratnaya sila aktov zakonodatel'stva o nalogah i sborah: spornye voprosy pravoprimeneniya // Nalogovye spory: teoriya i praktika. 2007. № 10. S. 32, 33.
19. *Sil'chanka M. U.* Problemy vyznachennya vidavaga skladu i klasifikacyi krynic prava // Pravo i demokratiya: sb. nauch. tr. Vyp. 12. Minsk, 2011. S. 33–43.
20. *Telyukina M. V.* Kommentarij k Federal'nomu zakonu “Ob akcionernyh obshchestvah” (postatejnyj) (Podgotovlen dlya sistemy “Konsul'tantPlyus”, 2004) // СПС “Konsul'tantPlyus” (data obrashcheniya: 18.04.2017).
21. *Fuller L. L.* Moral' prava. M., 2016. S. 136.
22. *Fuller L. L.* The morality of law. New Haven and London, 1965. R. 68.
23. *Shlomo.* Juristischer Grundlehre (2d ed. 1927). R. 383.
24. Հայաստանի Հանրապետության քաղաքացիական դատավարության օրենսգիրք 17.06.1998, № ՀՕ-247 // Սկզբնաղբյուրը՝ ՀՀՊՏ 1998.09.09/20(53).
25. Բրեւակն օրենսգիրք ՇՆ/0052/01/15 [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: http://www.datalex.am/?app=AppCaseSearch&case_id=29554872554658804 (data obrashcheniya: 22.02.2017).

REFERENCES

1. *Vasil'ev A. A.* Pravovaya doktrina kak istochnik prava (Istoriko-teoreticheskie voprosy): dis. ... kand. yurid. nauk. Barnaul, 2007.
2. *Gambaryan A. S., Dallakyan L. G.* Primenenie pravovoj doktriny v sudebnoj praktike: perspektivy pravovogo regulirovaniya // Aktual'nye problemy sovershenstva-vaniya zakonodatel'stva i pravoprimeneniya: materialy VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Ufa, 31 maya 2016 g.) / pod obshch. red. A. V. Ragulina, I. T. Ragulinoj. Ufa, 2016. S. 25–29.
3. *Gambaryan A. S., Dallakyan L. G.* Primenenie pravovoj doktriny v sudebnoj praktike. Perspektivy pravovogo regulirovaniya // Evrazijskaya advokatura. 2016. № 6. S. 119–121.
4. *Dervoed V. V.* Doktrina (nauka) v kachestve istochnika prava v Respublike Belarus': avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Minsk, 2006.
5. *Zozulya A. A.* Doktrina v sovremennom prave: dis. ... kand. yurid. nauk. SPb., 2006.
6. *Zor'kin V. D.* Konstitucionnyj Sud Rossii: doktrina i praktika. M., 2017. S. 454.
7. *Zor'kin V. D.* Civilizaciya prava i razvitie Rossii. M., 2016. S. 54.
8. *Karapetyan S. A.* Istochniki konstitucionnogo prava Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. yurid. nauk. Rostov n/D., 1998. S. 47, 48.

DOCTRINAL-LEGAL STANDARDS IN RUSSIAN JUDICIAL PRACTICE

© 2019 A. N. Chashin

*Northeastern state University, Magadan;
The Bar of the Magadan Region “Dalnevostochnaya”*

E-mail: escr@mail.ru

Received: 26.01.2018

The article briefly monitors theoretical positions on the possibility of recognizing the legal doctrine as the current source (form) of the national law of representatives of Russian, Belarusian, Ukrainian and Armenian legal science. As the main argument, the author studies the justification of law enforcement acts issued by the courts of a number of CIS member states with direct references to the doctrine of Roman law. The rationale for judicial acts is the understanding of the doctrine of Roman law, reciprocated by international and Russian law. With reference to the texts of the Constitutional Court of the Russian Federation, the author comes to the opinion that in the observed situation the role of the source (form) of law is played simultaneously by the legal doctrine and the constitutional-judicial decision as a flagship law enforcement act. The argument given in the article, illustrated by examples from judicial practice, sufficiently supported by references to Russian and foreign acts of justice, allows to recognize the ability of legal doctrine to be a source of both Russian law and to enter into the system of such sources of close national and legal systems.

Key words: form of law, source of law, Legal doctrine, legal principle, the Romano-German legal family, legal system.

Сведения об авторе

ЧАШИН Александр Николаевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет», Магадан; председатель Коллегии адвокатов Магаданской области «Дальневосточная»

Authors' information

CHASHIN Alexander N. — PhD in Law, associate Professor of the theory and history of state and law; Northeastern State University, Magadan; Chairman of the Bar of the Magadan Region “Dalnevostochnaya”